

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

S. Mengel. Wege der Herausbildung der Wortbildungsnorm im Ostslawischen des 11–17. Jahrhunderts. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien: Peter Lang. Europäischer Verlag der Wissenschaften, 1997. 343 S. (Berliner Slawistische Arbeiten. Bd. 2).

Имя автора рецензируемой монографии – Светланы Менгель, профессора славянской филологии (языкознание) в университете М. Лютера в г. Галле (Виттенберг), автора известных научных работ в области словообразования (список некоторых из них приводится в конце монографии) достаточно хорошо известно в кругах дериватологов (специалистов по русскому историческому и современному словообразованию). Рецензируемая книга подводит итог ее многолетних исследований в области русского словообразования в его истории и современном состоянии и была защищена как докторская диссертация в 1996 г. в университете В. Гумбольдта в Берлине.

Монография снабжена подзаголовком: сравнительное исследование письменного языка Киевской Руси в его отношении к языку Московской Руси, староукраинскому и старобелорусскому XV–XVII вв., староцерковнославянскому.

Работа делится четко на две части: 1 часть – “К теории словообразования” (с. 19–65) и 2 часть, относящаяся собственно к проблематике работы – “Пути формирования словообразовательной нормы в восточнославянском (о терминах ниже) в XI–XVII вв.” (с. 67–194) и имеет три довольно обширных Приложения (с. 231–343), содержащих перечень и структурно-формальную характеристику названий лиц (Приложение № 1, с. 231–263), реализацию их частных словообразовательных значений (Приложение № 2, с. 265–302) и словарь однокорневых названий лиц в русском письменном языке XI–XVII вв. (Приложение № 3, с. 303–343).

Часть 1 на первый взгляд кажется излишней для данной монографии. Но лишь на первый взгляд. На самом деле она пред-

ставляет собой необходимое историографическое введение, излагающее историю формирования основных концептов (понятий), которыми оперирует современное и историческое словообразование. Данная историографическая часть демонстрирует основательное знакомство автора монографии с тем, что сделано его предшественниками. При этом следует отметить привлечение довольно широкого круга работ как по их хронологическому охвату (с середины XVIII в. до настоящего времени), принадлежащих перу как отечественных, так и зарубежных лингвистов, так и по широкому кругу языков как близко родственных русскому – славянских (украинский, белорусский, чешский, болгарский, польский), так и отдаленно родственных (немецкий, английский). Первая, историографическая часть, освещает следующие основные концепты: место словообразования в системе языка в целом (промежуточное положение словообразования между грамматикой и лексикологией), словообразовательное и лексическое значение, словообразовательный тип, общее словообразовательное значение и частное словообразовательное значение, словообразовательная категория и словообразовательная парадигма, понятие синонимии в словообразовании, понятие нормы в словообразовании, соотношение нормы и синонимии в словообразовании, механизм формирования нормы и способы ее проявления.

Прослеживая процесс выработки основных понятий словообразования, С. Менгель определяет свои подходы к пониманию этих концептов, привлекая как материал современного русского языка, так и исторический материал. Причем необходимо отметить, что работ последнего плана явно гораздо

меньше, и тем повышается актуальность предложенной С. Менгель монографии, построенной целиком на историческом материале. Как показывает дальнейшее изложение в монографии, главной ареной формирования словообразовательной нормы являются разной степени близости друг к другу словообразовательные синонимы в пределах словообразовательного типа "названия лиц" (Personenbezeichnungen). Первая часть исследования С. Менгель по существу является компендиумом сведений по основным концептуальным понятиям русского словообразования, обнаруживая широкую ориентацию автора в общезыковедческой литературе по теории словообразования.

Замечания по первой части носят частный характер и касаются трактовок отдельных слов. Полагаем, что *эпикуреец* (с. 64) образовано непосредственно от прил. *эпикурейский*, греч. Ἐπικουρείος. При этом следовало бы учитывать иноязычное происхождение слова и необходимость обращения к структуре словообразовательного ряда в языке-источнике (см. [Ширшов, 1978]), а также использования методики анализа по "непосредственно составляющим", предложенной Г.О. Винокуром, когда производное слово рассматривается как бинарная конструкция [Винокур 1959: 441].

С. 55: *изгнать* и *выбросить* трактуются как словообразовательные синонимы (видимо, на том основании, что приставки *из-* и *вы-* близки по значению), но при этом нельзя отбросить характер лексических связей: *изгнать* относится к лицу, в то время как *выбросить* – к предмету, что лишнее подчеркивает абстрактный характер церковнославянской по происхождению приставки *из-* и конкретно-предметный (физический) характер приставки *вы-*.

Вторая часть обрисовывает пути формирования словообразовательной нормы в "восточнославянском" (im Ostslawischen). Устанавливается, что норма вообще и норма в словообразовании, в частности, не носила в языке русской письменности XI–XVII вв. строго обязательного характера, допускала значительный разброс вариантов оформления слов, относимых к разряду существительных одного словообразовательного типа. С. Менгель оперирует именами существительными, имеющими одно общее словообразовательное значение – "названия лиц" и выделяет в кругу слов, принадлежащих к данному словообразовательному типу, десять частных словообразовательных значений (о них несколько ниже). Таким образом, создается единая словообразова-

тельная база для рассмотрения вариантов нормы, которая формируется как структурно-формальными особенностями (различиями в суффиксах, выражающих общее словообразовательное значение лица), так и особенностями лексической и словообразовательной семантики того же круга существительных. Таким образом, создается двусторонний (а вследствие этой двусторонности и комплексный – формально-содержательный) подход к изучаемому материалу. Заметим сразу же, что прерывание процесса исторической эволюции языка на XVII столетии и отсутствие обзорной перспективы эволюции (вплоть до современного состояния языка) не дает возможности автору углубленно проанализировать сам ход конкуренции словообразовательных вариантов. Полагаем, что отслеживание перспективы в исторических работах, все больше дающее о себе знать в последнее время, столь же плодотворно для изучения истории нормы, как и применение словообразовательных концептов (понятий), выработанных на современном материале, к историческому материалу (ретроспективизация методов). Наглядным подтверждением последнего является монография С. Менгель.

Большинство лингвистов понимает под нормой в словообразовании наиболее продуктивные правила словообразования. Для прошлых эпох такой статистический по своему существу подход является единственно приемлемым и возможным в условиях, когда индивидуальное языковое сознание не дает возможности оценки самим говорящим "правильности или неправильности" языкового факта как такового, когда собственное языковое чутье как инструмент оценки исчезает со сцены. Поэтому некоторые лингвисты-историки предпочитают более осторожное: "узальная норма". Норма связывается Менгель с понятием "система", норма заложена в системе. Варианты нормы возникают как реализации возможности системы, и задачей словообразовательной нормы является регулирование процессов реализации системных возможностей.

Предложенное в монографии недифференцированное по национально-языковому признаку понимание периода XI–XVII вв. как общевосточнославянского (Ostslawische) языка вызывает определенные возражения. В хронологический срез оказывается включенным период XV–XVII вв., т.е. период развития украинского и белорусского языков как самостоятельных национальных языков. Круг историков для сопоставительной характеристики явлений в старобелорусском и староукраинском XV–XVII вв. недостаточен:

использованы специальные научные статьи, ограниченный круг текстов, отражающих "западнорусскую мову" – явление периферийное для истории русского литературного языка, но не привлекаются картотеки ГСБМ (см. список литературы) и уже вышедшие выпуски ГСБМ (вып. 1–11) и картотека ССУМ (во Львове), а также 2 тома ССУМ. Такое ограничение круга источников по староукраинскому и старобелорусскому языку XV–XVII вв. значительно снижает ценность выводов по общевосточнославянскому фону, а привлечение данных только "западнорусской мовы" не способно дать достаточно полной картины взаимодействия восточнославянских языков в конце XIV–XVII вв. и различий между ними в области оформления и семантики исследуемого словообразовательного типа. Впрочем, предрасположенность выводов по периоду XV–XVII вв. (сравнительно со староукраинским и старобелорусским) признает и сам автор (см. с. 96).

С. 98–104 посвящены вопросу об интерфиксах. С. Менгель почему-то опускает в Указателе литературы свою работу 1988 г. [Менгель 1988]. Вопрос о выделении интерфиксов в древнерусском (само понятие "интерфикс" появилось в работах по современному русскому языку) представляется нам весьма дискуссионным. Асемантичность этих "прокладок" между морфемами в современном русском языке едва ли проявляется в древнерусском. Приводимые Менгель примеры на интерфиксы *л*, *т*, *ен*, *х* в древнерусском могут быть интерпретированы иначе: *жил-ьць* (от перф. прич. на -*ло* значением действия, результат которого сохраняет актуальность в момент воспроизведения текста); *ят-ьць* 'тот, кто берет' (нет ничего удивительного в том, что пассивная основа используется для образования активного сущ. при размытости залоговых отношений в древнерусском (см. [ДГ XII–XIII вв.: 465–506]); *числ-ен-ьць* 'счётчик' (ср. ст.-слав. **УИСМѦ**, Р. **УИСМѦНѦ**, где *-ен-* – закономерное наращение в косвенных падежах к основе сущ. на согласный); *зна-х-арь* (полагаем, что говорить в данном случае о претеритальной основе нет данных; здесь, по всей видимости, как это происходит со всеми "интерфиксами" в древнерусском языке, перед нами частый случай переноса суффикса по аналогии, ср. *жени-х-ъ*, где *х < *s* закономерно фонетически и в сущ. *зна-х-арь* оказалось в составе сложного суффикса с фонемой -*х*- (см. [Селищев 1952: 75–77]). Предложенное Лопатиным [Лопатин 1977: 46] понимание "интерфиксов" как частей

морфов вдвойне справедливо применительно к историческому материалу.

Как нам представляется, древнецерковнославянский язык неправомерно приравнивается к древнеболгарскому (с. 72). Тем самым не учитываются специфические особенности национальных языков на разных славянских территориях (в Киевской Руси, в частности), отражающиеся в книжно-письменных текстах, написанных на соответствующих территориях, и акцент при этом делается на возможность существования литературного языка только в письменной форме. Наиболее удачным представляется термин "русскоцерковнославянский", применявшийся многими учеными, поскольку он ориентирован этнически (а тем самым и территориально) и отражает один из типов литературного языка – книжно-славянский (по концепции В.В. Виноградова). С. Менгель – сторонница концепции болгарских палеославистов, приравнивающих русскоцерковнославянский к древнеболгарскому.

Как мы уже отметили выше, в работе С. Менгель имеются три обширных приложения. Первое содержит перечень существительных – названий лиц – и их структурно-формальную характеристику с указанием суффикса, производящей основы (часть речи), явлений на морфемном стыке, типа текста (Менгель различает "культурный язык" – *Kultursprache* XI–XIV вв., имея в виду под этим не очень удачным видом оценочности противопоставления "язык культурный – не культурный" язык памятников церковнокнижного языка и "канцелярский язык" XV–XVII вв.). По существу это Приложение № 1 можно считать уже готовым фрагментом для Словаря древнерусских и старорусских морфем, работа над которым, к сожалению, еще не начиналась, что свидетельствует лишний раз о пионерском характере исследования С. Менгель.

В Приложении № 1 (с. 231–263) нарушено алфавитное расположение суффиксов. К тем явлениям на морфемном стыке, которые отмечены Менгель (сокращение основы, консонантная мена, интерфиксация) можно, на наш взгляд, присоединить наложение идентичных морфем с вытеснением морфемы производящей основы: *кова-ти > ков-ачь*, *търгова-ти > търгов-ань*. Отметим также некоторые неточности в определении производящих основ, не учитывающие синхронные соотношения лексем в исследуемый период: *лѣкарь* не от гл., а от сущ. *лѣкъ* 'лекарство' [СлРЯ XI–XVII вв., 8: 200]; *соуроженикъ* не от прил. (кстати, здесь суф. *-енинь*, а не *-инь*), а от др.-русск. сущ.

сужоге 'купец, торговавший через г. Сурож, ныне г. Судак в Крыму' [Фасмер, III: 807]; *ловъчанинъ* от *ловъць*, а не глагола и интерфикса здесь нет (с. 232); *княжичъ* от *княжь* (-жиш) (сын), о чем свидетельствует ж (с. 234), *коупьчина* от *коупьць*, а не от прилагательного (с. 235), *лоубдъичищъ* от *лоубдъица* без всякого интерфикса (с. 237), *иностраньць* от прил. *иностраньныи*, а не от сущ. (с. 247), и вообще есть основания говорить о наличии связанных основ в истории русского языка. Отметим также неточность в грамматической характеристике производящей основы: *питомикъ* (с. 235) от прил. (а не прич.) *питомъ*, поскольку прич. оторвалось от системы глагольного словоизменения. Перечень неточностей можно было бы продлить, но сразу же следует сделать оговорку о том, что отмеченные неточности не имеют непосредственного отношения к теме исследования С. Менгеля, а кроме того, отдельные случаи допускают различные интерпретации.

В Приложении № 2 в центре внимания оказываются частные словообразовательные значения названий лиц, которые подтверждаются ссылками на словарные дефиниции (лексические значения слов). Таких частных значений (*Wortbildungsteilbedeutungen*) С. Менгель выделяет 10 (см. с. 105–107). Их все объединяет общая сема – "название лица", хотя в таком дробном подразделении отдельные группы могут перекрещиваться друг с другом, поскольку трудно найти единый принцип отделения групп друг от друга. Однако целесообразность и необходимость подобного расчленения не вызывает сомнений, поскольку в каждой из групп обнаруживаются свои формально-структурные признаки и отдельные группы (названия профессий, жителей по местности, персонафицированные эпитеты, приближающиеся по денотату к онимам и сингулятивам и др.) выделяются достаточно четко, и в данном приложении специалист по исторической лексикографии и лексикологии может найти себя много полезного.

В Приложении № 2, как и в предыдущем, нарушается алфавитное расположение суффиксов, которое положено в основу построения, могут быть отмечены (правда, весьма немногочисленные) некорректности в определении принадлежности существительных к типу частного словообразовательного значения: *попрошай* (с. 265), *проситель* (с. 274) едва ли профессии, поскольку отсутствует постоянство признака.

В Приложении № 3 читателю моногра-

фии предлагается словарь существительных – названий лиц – в русском письменном языке XI–XVII вв. Его можно считать почти исчерпывающим перечнем существительных данного типа, поскольку базой для него явились СлРЯ XI–XVII вв. и его картотека, СДРЯ XI–XIV вв. и его картотека, учтены также композиты (сложные слова) и приставочные образования. Словарь организован по гнездовому принципу, содержит дефиницию значения и указание на сферу применения слова в пределах принятого С. Менгелем деления на *Kultursprache* XI–XIV вв. и *Kanzleisprache* XV–XVII вв.

Хотелось бы в связи с Приложением № 3 высказать пожелание о появлении Приложения № 4, которое представляло бы собой исторический словарь синонимов с попыткой определения различных оттенков в лексических значениях, степени синонимичности слов, диктуемой различиями в словообразовательных основах и суффиксах. В хронологической (документационной) части такого словаря хотелось бы увидеть не достаточно расширенные хронологические пределы функционирования отдельных слов (XI–XIV вв., XV–XVII вв., как сейчас в монографии), а распределение существительных по типам литературного языка, жанрам памятников письменности и по векам.

Монография С. Менгеля отличается в целом хорошим компьютерным набором (исполнитель его, к сожалению, не указан, хотя в последнее время принято на это ссылаться), но встречаются подчас и досадные неточности при передаче орфографии польских (с. 209, 210, 211), чешских (с. 196, 197, 201, 221), украинских названий (с. 197, 221), ошибки в фамилиях автора (с. 201: Ефремов вм. Ефимов), инициалах (с. 206: А.С. Исаченко вм. А.В. Исаченко) с. 228: В.А. Воронцова вм. В.Л. Воронцова). В Список литературы неоправданно попали источники, ряд из которых уже указан на с. 14–15. *Varbot* и *Vasmer* следуют друг за другом (с. 226), хотя чтение этих фамилий различно: *Varbot*, Фасмер, не лучше ли: *Warbot*, но *Vasmer*.

В целом монография С. Менгеля является ценным, оригинальным, новаторским исследованием, дающим исчерпывающее описание в нормативном аспекте истории существительных – названий лиц в русском языке XI–XVII вв., общетеоретические и практические результаты которого (прежде всего словарные приложения) нельзя не использовать при разработке академической темы: "Историческое словообразование русского языка".

- Винокур Г.О.* 1959 – Заметки по русскому словообразованию // *Избранные работы по русскому языку*. М., 1959.
- ГСБМ – Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 1–11. Мінск, 1982–1991.
- ДГ XII–XIII вв. – Древнерусская грамматика XII–XIII вв. М., 1995.
- Лопатин В.В.* 1977 – Русская словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы описания. М., 1977.
- Менгель С.* 1988 – Интерфиксы в древнерусском языке // *Болгарская рустика*. Вып. 4. София, 1988.
- СДРЯ XI–XIV вв. – *Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.* Т. I–IV. М., 1988–1991.

- Селище А.М.* 1952 – Старославянский язык. Ч. 2. Тексты. Словарь. Очерки морфологии. М., 1952.
- СЛРЯ XI–XVII вв. – *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 1–23. М., 1975–1997.
- ССУМ – *Словник староукраїнської мови XIV–XV ст.* Т. 1–2. Київ, 1977–1978.
- Фасмер М.* – *Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева*. Т. I–IV. М., 1964–1973.
- Ширинов И.А.* 1978 – Морфемный состав и словообразовательные связи имён существительных греческого происхождения // *ФН*. 1978. № 2.

В.Г. Демьянов

М.С. Крутова. Святитель Николай Чудотворец в древнерусской письменности. М.: Мартис, 1997. – 223 с.: 16 ил.

Реконструкция адекватной истории отечественной культуры немислима без изучения памятников, в том числе письменных памятников разных эпох. Эта работа нуждается в открытии новых памятников и публикации тех, что, находясь в многочисленных архивах, все еще терпеливо ждут свой черед, чтобы стать достоянием многих ученых, любителей истории, поклонников отечественного слова в его прошлом и настоящем.

Несмотря на обилие произведений литературы (а также живописи, музыки), посвященных святителю Николаю, они до сих пор не описаны и не изучены в должной мере, что объясняется не только существовавшими у нас до недавнего времени запретами на изучение агиографической литературы, но и объективной сложностью исследования текстологии самих памятников из-за их большого объема и неоднородности материала. Поэтому любая современная по своим принципам публикация источников – ценный вклад в нашу духовную культуру.

М.С. Крутова предприняла, сразу скажем, весьма удачную попытку публикации части собрания ценных рукописных памятников, хранящихся в Российской Государственной библиотеке, – памятников, посвященных святителю Николаю.

Тексты с произведениями о св. Николае не публиковались у нас с конца XIX в., и труды архимандрита Леонида (Кавелина) и В.О. Ключевского, взявших на себя в этот период столь благородную миссию, давно стали библиографической редкостью. В последнее же время публиковались лишь адаптированные извлечения из этих текстов, причем, как справедливо указывает

М.С. Крутова, не обошлось без смешения текстов с произведениями о св. Николае Мир Ликийских Чудотворце (жившем в IV в.) с текстами об одноименном святителе, жившем в VI в.

Выбор М.С. Крутовой для публикации памятников, связанных со св. Николаем, вполне понятен. Св. Николай издревле особо почитаем на Руси. Житие св. Николая Мир Ликийских Чудотворца – одно из самых популярных произведений древней Руси. Только в РГБ содержится, по подсчетам автора, более 500 списков этого жития.

Для издания М.С. Крутовой отобраны списки тех редакций жития, которые ранее не публиковались. Например, список № 191 (XVII в.) жития, создание которого принадлежит византийскому агиографу Симеону Метафрасту (X в.), из собрания Е.Е. Егорова. Этот памятник известен в списках начиная с XV в. Публикуется также список жития св. Николая, жившего в VI в., жития, именуемого обычно «иным» и составленного епископом Пинарским. Взята сокращенная редакция, находящаяся также в собрании Е.Е. Егорова под № 926 (XV в.).

Публикация адресована не только специалистам в области археографии, но и широкому кругу читателей: такого подхода требует само время. Этим обусловлено стремление совместить критерии научности и доступности публикации. Так, текст жития дан с разделением на слова; грамматические формы, например, личные местоимения и частица «же», союзы и частицы (типа *егда же, елико же* и под.), как правило, пишутся раздельно; «ся» с глаголами приводится в слитном написании (*разрѣшиша плотьскаго соуза, повсюда правовѣриа простреса* и